

В.В. Попов

Высшая школа международного бизнеса РАНХ и ГС, РЭШ, Москва

Экономическое чудо переходного периода: как Узбекистану удалось то, что не удалось ни одной постсоветской экономике

Узбекистану удалось добиться больших успехов в преобразовании своей экономики, чем всем странам СНГ, включая Россию, и даже странам Центральной Европы. Экономика страны далеко ушла от прежней монозависимости от хлопка, распределение доходов отличается высокой равномерностью, а госбюджет сохраняет профицит даже в годы кризисов. Успех Узбекистана во многом сродни «китайскому чуду»: постепенные экономические реформы с сохранением институционального потенциала государства, качественная макроэкономическая политика и экспортоориентированная промышленная стратегия. На постсоветском пространстве есть и другие страны с низкой инфляцией и низкими дефицитами госбюджета, сегодня это практически все страны бывшего СССР. Есть также и страны, не разрушившие свой институциональный потенциал (Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Туркмения, прибалтийские республики), но нет таких стран, которые одновременно с этим стимулируют экспорт готовых изделий через заниженный курс валюты и масштабные налоговые стимулы, как Узбекистан. Пример Узбекистана показывает, что такая политика окупается сторицей.

Ключевые слова: *переходный период, экономический рост, экспортная ориентация, промышленная политика, Узбекистан.*

Классификация JEL: O1, O14, O5, O57, P5, P52.

Теперь уже и забылось, как в 1990-е годы либеральные экономисты – наши и зарубежные – доказывали, что переходные экономики растут тем быстрее, чем больше либерализация, приватизация и демократизация, что Прибалтика поэтому «впереди планеты всей», а Средняя Азия безнадежно отстает. Время заставило на многое взглянуть иначе. Как видно из рис. 1, сегодня в экономическом соревновании выигрывают не экономически либеральные и демократические режимы, а Туркмения, Узбекистан, Азербайджан, Казахстан, Белоруссия. В Узбекистане ВВП в 2012 г. составил более 200% уровня допереходного 1989 г., это – лучший показатель в бывшем СССР (за исключением Туркмении) и Восточной Европе. Это выше роста ВВП в «странах – передовиках капиталистического строительства»: Венгрии, Польше, Словакии, Словении, Чехии. По этому показателю Узбекистан уступает лишь еще двум азиатским переходным экономикам – Китаю и Вьетнаму.

Да, население Узбекистана увеличилось за 23 переходных года с 20 млн до 30 млн человек, так что в расчете на душу населения успехи несколько скромнее. Но, во-первых, сам рост населения вместо падения, как во многих других странах, – свидетельство успеха, а во-вторых, и рост реального подушевого ВВП впечатляет – без малого на 40% за 23 года, или почти на 1,6% в год. Не так много стран могут похва-

статься таким результатом, особенно из тех, которым пришлось пережить трансформационный спад начала 1990-х годов прошлого века. А в Узбекистане и трансформационный спад был менее глубоким и продолжительным (падение на 18% в 1991–1995 гг.), и восстановление производства было более быстрым – по 3–4% в 1995–2003 гг. и по 7–9% в 2005–2013 гг. Да и увеличивать ВВП при быстром росте населения сложнее, чем при медленном, – поэтому Китай и старался ограничить рост населения, проводя политику «один ребенок в семье».

Примечательно, что и кризис 2008–2009 гг. Узбекистан практически не затронул. В то время как в Прибалтике производство упало на 15–20%, а в Армении, Венгрии, Молдавии, России, Словении, Украине – на 8–15%, в Узбекистане темпы роста едва снизились – с 9% в 2008 г. до 8% в 2009 г.

Да, значительную роль в экономическом успехе сыграли благоприятные условия торговли: цены на газ, хлопок, золото (важные статьи узбекского экспорта) в 2002–2010 гг. выросли в 4 раза (рис. 2). Но ведь Россия, да и многие другие нефтеэкспортеры не смогли «трансформировать» благоприятную внешнюю конъюнктуру в быстрые темпы роста. А Узбекистан не является крупным экспортером топлива

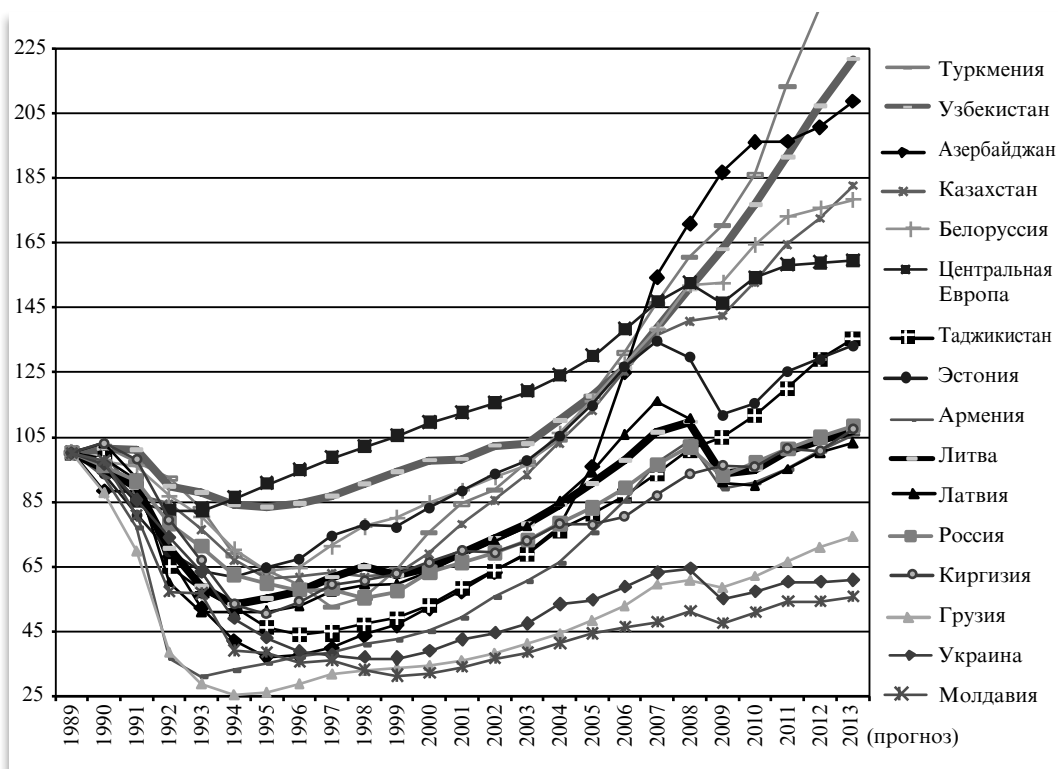

Рис. 1

Динамика ВВП в бывших советских республиках, 1989 г. = 100%

Источник: EBRD Transition Reports за соответствующие годы.

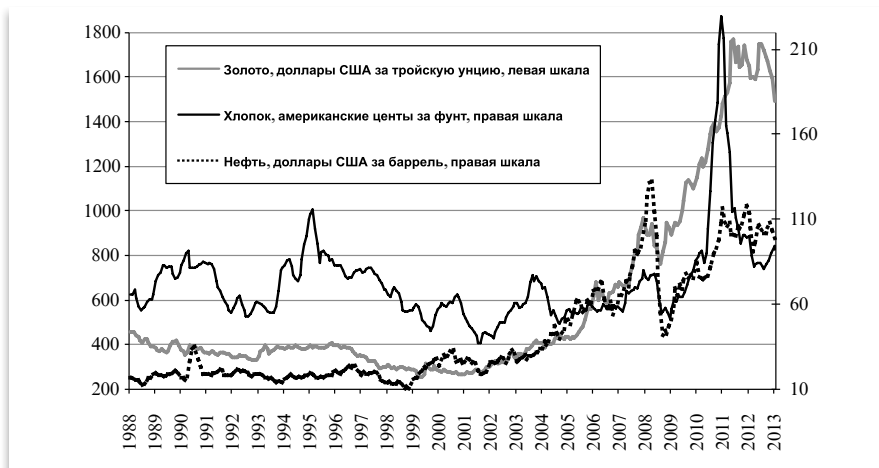

Рис. 2

Мировые цены на нефть (долл. США за баррель), хлопок (центы США за 1 фунт) и золото (долл. США за тройскую унцию)

Источник: Index Mundi, 2013.

и энергии (а в советское время был нетто-импортером), хотя и добился за годы независимости энергетической самообеспеченности и стал чистым экспортером энергоресурсов.

Кроме того, сказать, что внешние условия сильно благоприятствуют Узбекистану, вряд ли возможно. Дело в том, что Узбекистан не просто не имеет выхода к морю, но и является одной из двух стран в мире (вторая страна – Лихтенштейн), соседи которых тоже выхода к морю не имеют.

Дежурный аргумент, что в Узбекистане народ живет беднее, чем в России, и едет подрабатывать в Россию, в данном случае к делу не относится. В Узбекистане и производительность труда, и уровень жизни всегда были ниже, чем в России. В конце советского периода реальные доходы в Узбекистане составляли примерно половину российского уровня, а после развала СССР разрыв увеличился многократно – вопреки лучшей динамике производства в Узбекистане и в результате неблагоприятного для Узбекистана изменения относительных цен на производимую продукцию. Узбекистан был крупным импортером нефти, а его торговля со всеми странами, включая республики бывшего СССР, если пересчитать ее в мировые цены, создавала дефицит в 9% ВВП (Soviet Economy, 1991), который покрывался скрытыми субсидиями из нефтепроизводящих республик. Когда же относительная стоимость ввозимого топлива и сырья для республик-импортеров постепенно выросла в несколько раз, то пришлось за тот же по объему импорт платить много больше. Вдобавок прекратилось открытое субсидирование – в 1990 г. только межбюджетные трансферты (прямые субвенции из союзного бюджета) составили 31% дохо-

дов республиканского бюджета (Soviet Economy, 1991), из-за чего уровень жизни в Узбекистане в начале 1990-х резко упал еще больше по сравнению с российским.

В 2012 г. ВВП по паритету покупательной способности (ППС) на душу населения составил в Узбекистане всего 3,6 тыс. долл. США против 24 тыс. в России и свыше 10 тыс. в Азербайджане, Казахстане и Туркмении. Но если говорить о динамике производства, а не о доходах, определяемых также и условиями торговли и масштабами экономической помощи, то в Узбекистане она была намного лучше, чем в России. Если в какой-то стране, производящей только нефть, объем выпуска не увеличился, но мировые цены на нефть поднялись, то ВВП в текущих ценах и подушевые доходы возрастут (на доходы от экспорта нефти можно будет купить больше товаров на мировом рынке). А это означает настоящий рост *реальных* подушевых доходов, который вызван не ростом производства, а изменением условий торговли.

В табл. 1 показано увеличение душевого ВВП в текущих и постоянных долларах по ППС в 1990–2012 гг. для стран региона, который теперь, по классификации ООН, называется Северной и Центральной Азией.

Как видно, экспортеры ресурсов (Азербайджан, Казахстан, Туркмения и Россия) и Армения (где роль ресурсной ренты сыграли поступления от диаспоры) существенно увеличили душевой ВВП как в текущих, так и в постоянных ценах; из «нересурсных» стран рост наблюдался только в Китае и Узбекистане. Положение Узбекистана на постсоветском пространстве в этом смысле исключительное: хорошая динамика производства без ресурсной ренты наблюдалась еще разве что в Белоруссии, но не в таких масштабах.

Кроме того, и в теории (модель Солоу), и на практике существует отрицательная зависимость между темпами роста душевого ВВП

Таблица 1

Прирост душевого ВВП по ППС в 1990–2012 гг. в странах Северной и Центральной Азии и в Китае*, %

Прирост	Страны									
	Азербайджан	Казахстан	Туркмения	Россия	Армения	Таджикистан	Киргизия	Грузия	Узбекистан	Китай
Прирост в текущих долларах	209,4	171,3	139,6	193,9	213,2	3,4	2,2	33,1	148,3	1061,5
Прирост в постоянных долларах 2005 г.	92,6	68,9	49,2	20,2	94,9	-35,6	-17,7	-17,1	54,6	623,0

Источник: WDI за соответствующие годы.

* Китай к региону не относится, но показан для сравнения.

и темпами роста населения: чем выше темпы роста населения, тем труднее увеличивать подушевой ВВП, так как ограниченные инвестиции идут на создание рабочих мест для вступающих в трудоспособный возраст, а не на увеличение капиталовооруженности, с которым и связано увеличение производительности труда. Так что увеличение подушевого ВВП в стране с большим ростом населения заслуживает большего уважения, чем увеличение ВВП на душу в стране с сокращающимся населением. Успех страны измеряется не только ростом ВВП на душу, но и положительной динамикой численности населения. Успех Узбекистана поэтому более респектабелен, чем успех Белоруссии и Армении, где население в 1989–2012 гг. сократилось. А по росту ВВП в 1989–2012 гг. в бывшем СССР Узбекистан – на втором месте после Туркмении (рис. 1).

Продолжительность жизни в Узбекистане такая же, как и в России в 2008 г. (68 лет), и хотя она не выросла за 20 лет, но и не сократилась, как в других бывших советских республиках в начале 1990-х годов; распределение доходов очень равномерно, лучше, чем во многих других постсоветских странах (коэффициент Джини – на уровне 35–36% в 2002–2003 гг., по данным Всемирного банка (рис. 3), и немногим более 30% в 2012 г. – по данным национальной статистики). В узбекских городах не видно «Мерседесов» и «Альфа-ромео», не говоря уже о «Бентли» и «Майбахах», но бездомных и нищих тоже нет. Уровень убийств – всего 3 человека на 100 тыс. жителей в 2008 г. (против 12 в России). В Ташкенте при входе в метро досматривают сумки, везде плакаты «Бдительность – требование времени». Но факт остается фактом: после взрывов у посольств США и Израиля и в здании прокуратуры в 2004 г. и подавления восстания в Андижанской тюрьме в 2005 г. в Узбекистане не было ни крупных терактов, ни беспорядков.

Статистика числа миллиардеров и «олигархоёмкости ВВП» (табл. 2) дополняет данные по коэффициенту Джини, исчисляемому на основе обследований домохозяйств, которые плохо учитывают распределение доходов на самом верху доходной пирамиды. Журнал «Форбс» в начале 2013 г. ставит Грузию, Россию и Украину впереди (с большим отрывом) остальных посткоммунистических стран по числу миллиардеров на 1 трлн долл. ВВП по ППС. За ними идут Чехия и Казахстан, Китай, Польша, Вьетнам, Румыния, а в других пост-коммунистических странах миллиардеров вообще нет, даже если их ВВП больше грузинского. Например, Азербайджан и Узбекистан должны были бы (при таком соотношении) иметь порядка трех миллиардеров, если бы их олигархоёмкость ВВП была на уровне российской, но на самом деле в этих странах нет ни одного.

В 2011 г. Узбекистан стал 15-й страной мира, в которых курсируют высокоскоростные поезда. Расстояние в 344 км от Ташкента до Самарканда поезд «Афросиаб» (созданный испанской компанией Talgo) преодолевает за 2 ч 10 мин (т.е. примерно со скоростью «Сапсана»). К 2015 г. планируется продлить скоростную магистраль до Бухары и Карши.

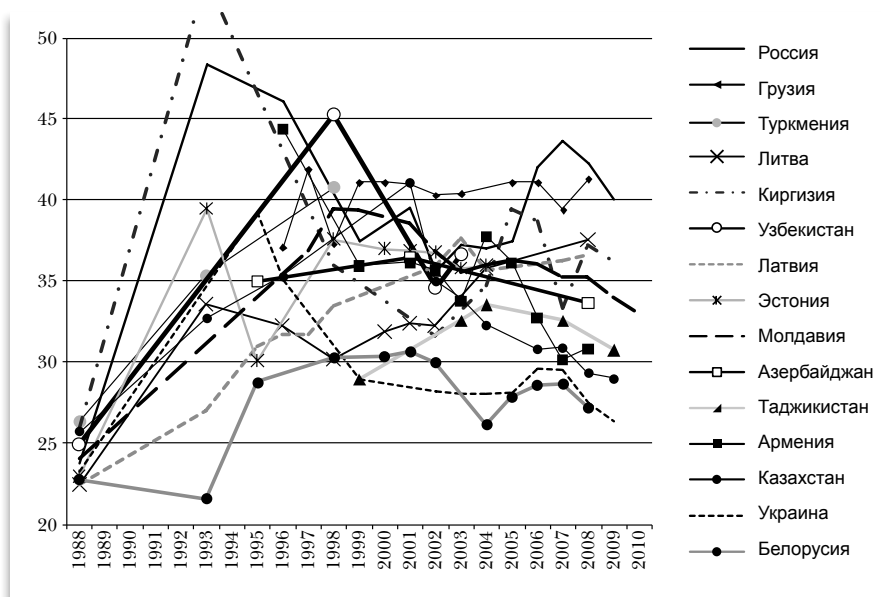

Рис. 3

Кoeffициент Джини распределения доходов в постсоветских странах в 1988–2010 гг., %

Источник: данные World Development Indicators за соответствующие годы.

Таблица 2

Миллиардеры в бывшем СССР, Восточной Европе, Китае и Вьетнаме в 2013 г.*

Страны	Число миллиардеров	Общее состояние, млрд долл.	ВВП по ППС в 2012 г.	Число миллиардеров на 1 трлн долл. ВВП по ППС	Общее состояние миллиардеров, % к ВВП
Китай	122	260,9	12 471,0	9,8	2,1
Россия	110	403,8	3380,0	32,5	11,9
Украина	10	31,3	338,2	29,6	9,3
Казахстан	5	9,2	233	21,5	3,9
Чехия	4	14,0	277,9	14,4	5,0
Польша	4	9,8	844,2	4,7	1,2
Грузия	1	5,3	26,6	37,6	19,9
Вьетнам	1	1,5	322,7	3,1	0,5
Румыния	1	1,1	352,3	2,8	0,3
Узбекистан	0	0	107,0	0,0	0,0

Источники: Forbes, 2014, данные World Development Indicators за соответствующие годы.

* Показаны только страны, в которых есть миллиардеры, и Узбекистан.

Либерализации нет, а рост есть

Экономические успехи Узбекистана совсем не укладываются в традиционную мудрость вашингтонского и даже поствашингтонского консенсуса, в соответствии с которой чем больше экономическая либерализация и открытость экономики, тем выше темп экономического роста. Узбекистан – одна из трех стран СНГ (наряду с Туркменией и Белоруссией), в которых на предприятиях государственного сектора все еще создается более половины ВВП (табл. 3)¹. Пошлины на импорт некоторых видов продовольствия, машин и оборудования очень высоки (вместе с налогами иногда повышают цену на 100–150%), официальный курс валюты на 30% с лишним выше рыночного, а распределение иностранной валюты централизовано; доля доходов государственного бюджета в ВВП высока (40% против порядка 30% в Казахстане, Киргизии, Таджикистане (IMF, 2012; WB, 2013; EBRD, 2014)). Существует план фактически обязательных государственных заготовок хлопка.

Еще в 1998 г. Дж. Зеттелмейер в статье, озаглавленной «Загадка узбекского роста» (Zettelmeyer, 1998), удивлялся, как это нелиберализованный Узбекистан сумел избежать глубокого трансформационного спада. Он заключил, что «Узбекистан наверняка добился бы еще большего при более благоприятных условиях для создания частных предприятий, стимулах для частного производства, для сбыта, особенно в хлопководстве».

Альтернативный анализ (Попов, 1998а, 1998б, 2007) показывает другое. Ключевым фактором спада в переходных экономиках была несостоятельность государства (government failure), а не несостоятельность рынка (market failure): именно коллапс государственных институтов и неспособность правительств предоставить традиционные общественные блага – от гарантий контрактов до охраны собственности, от сбора таможенных пошлин до обеспечения правопорядка – вызвали падение производства. Быстрое дерегулирование подрывало институциональный потенциал государства, так что от дерегулирования было больше вреда, чем пользы, даже когда оно было действительно необходимо. В тех же странах, где государство осталось более или менее дееспособным, – от демократических стран Центральной Европы до авторитарных Азербайджана, Белоруссии, Китая и Узбекистана, экономическая динамика оказалась лучше.

Часто говорят, что узбекская статистика завышает темпы экономического роста, потому что занижает темпы роста цен. МВФ оценивал темпы роста индекса потребительских цен (ИПЦ, декабрь к декабрю) в 2012 г. в 11% против 7%, по официальным данным (World Bank, 2013). Одно из возможных объяснений такого расхождения – процедура подсчета индексов цен на продукты питания: зимой многие фрукты и овощи, пропадающие с прилавков, вообще исключаются из подсчета цепных месячных ИПЦ, а весной эти товары включаются

¹ Это – оценка Европейского банка реконструкции и развития. По официальной статистике, доля частного сектора составляет более 84% (http://www.stat.uz/press/1/6031/?sphrase_id=78729), но сюда включаются все акционерные общества, в том числе и с долей государственного участия более 50%.

Таблица 3

Доля частного сектора в ВВП в 1989–2009 гг. в бывших советских республиках, %

Годы	Эстония	Армения	Азербайджан	Киргизия	Грузия	Литва	Латвия	Казахстан	Молдавия	Россия	Украина	Таджикистан	Узбекистан	Белоруссия	Туркмения
1989	10	10	10	5	10	10	10	5	10	5	10	10	10	5	10
1990	10	10	10	5	15	10	10	5	10	5	10	10	10	5	10
1991	10	30	10	15	15	10	10	5	10	5	10	10	10	5	10
1992	25	35	10	20	15	20	25	10	10	25	10	10	10	10	10
1993	40	40	10	25	20	35	30	10	15	40	15	10	15	10	10
1994	55	40	20	30	20	60	40	20	20	50	40	15	20	15	15
1995	65	45	25	40	30	65	55	25	30	55	45	25	30	15	15
1996	70	50	25	50	50	70	60	40	40	60	50	30	40	15	20
1997	70	55	40	60	55	70	60	55	45	70	55	30	45	20	25
1998	70	60	45	60	60	70	65	55	50	70	55	30	45	20	25
1999	75	60	45	60	60	70	65	60	45	70	55	40	45	20	25
2000	75	60	45	60	60	70	65	60	50	70	60	40	45	20	25
2001	75	60	60	60	60	70	65	60	50	70	60	45	45	20	25
2002	80	70	60	65	65	75	70	65	55	70	65	50	45	25	25
2003	80	70	60	65	65	75	70	65	55	70	65	50	45	25	25
2004	80	75	60	75	65	75	70	65	55	70	65	50	45	25	25
2005	80	75	60	75	65	75	70	65	60	65	65	55	45	25	25
2006	80	75	60	75	70	75	70	65	65	65	65	55	45	25	25
2007	80	75	75	75	75	75	70	70	65	65	65	55	45	25	25
2008	80	75	75	75	75	75	70	70	65	65	65	55	45	30	25
2009	80	75	75	75	75	75	70	70	65	65	60	55	45	30	25
2010	80	75	75	75	75	75	70	65	65	65	60	55	45	30	25

Источник: EBRD, 2014.

с очень высокими ценами, так что на ИПЦ влияет снижение этих цен летом, но не влияет рост этих цен зимой. Но как бы то ни было, жалобы касаются индекса потребительских цен, а не индекса-дефлятора ВВП, темпы роста которого примерно в два раза выше темпа роста ИПЦ (15–24% в год в 2004–2012 гг.) и который используется для исчисления

ВВП в постоянных ценах путем дефлирования ВВП в текущих ценах. Европейский банк реконструкции и развития, на данных которого и построен рис. 1, принимает оценки ИПЦ, которые дает МВФ, но не пересматривает официальные данные о росте физического объема ВВП Узбекистана. МВФ и Всемирный банк тоже принимают официальные данные об экономическом росте (World Bank, 2013; IMF, 2012).

Экономическая политика со знаком качества

Да, в Узбекистане, как и во всех постсоветских странах, была высокая инфляция в начале 1990-х годов, но с тех пор макроэкономическая политика становилась все лучше и лучше (рис. 4). Инфляция с 1998 г. не превышает 15% даже по оценкам МВФ (IMF, 2012); эти альтернативные оценки, как отмечалось ранее, ненамного выше официальных.

Если проблема борьбы с инфляцией все же имеется, то состоит она не в том, что инфляция высокая, а в том, что власти могут поддаться давлению международных финансовых институтов и действительно решить, что главная задача – борьба с инфляцией. В прошлом такое случалось в 2004 и 2010 гг., когда чрезмерное рвение в борьбе с инфляцией оборачивалось подавлением экономического роста (рис. 4).

Зависимость между инфляцией и ростом становится отрицательной, только когда инфляция превышает 20%. До этих значений при относительно умеренной инфляции действует обычная кейнсианская положительная зависимость, описываемая кривой Филлипа, – шоки совокупного спроса ведут сначала, в первые 18 месяцев, к изменению выпуска, а потом – к изменению цен («пар уходит в свисток») (см. подробнее (Полтерович, 2006; Попов, 2011)). Например, в России в 1998 г. дожали инфляцию до 6% (июль 1998 г. к июлю 1997 г.), и производство упало (на 5% в 1998 г., причем именно до августовской

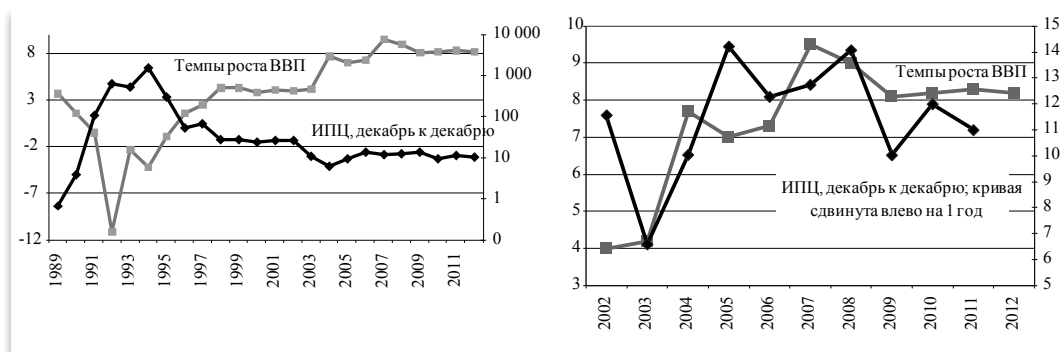

Рис. 4

Темпы роста ВВП (% , левая шкала) и темпы инфляции (% , правая шкала) в 1989–2012 гг.

Источник: EBRD за соответствующие годы.

девальвации). Или совсем недавно в России додали инфляцию до 5–8% в 2010–2013 гг., однако тогда же и темпы роста упали до 2–5%. Но, похоже, в Узбекистане, слава богу, не столь нетерпимы к умеренной инфляции, как в России.

Финансовые позиции правительства очень прочны. Консолидированный государственный бюджет сводится с профицитом вот уже более 10 лет, причем профицит достиг в 2008 г., перед кризисом, 10% ВВП (в 2012 г. – 2%). Государственный долг снизился с 59% в 2001 г. до 9% в 2012 г., внешний долг в последние годы составляет всего 10–12% ВВП (World Bank, 2013; IMF, 2012).

В отношении валютного курса политика Узбекистана – как у Китая, лучше практически всех стран с переходной экономикой. После валютных кризисов в Азии (1997 г.), России и других переходных экономиках (1998 г.) Узбекистан в 2000–2001 гг. сильно девальвировал свою валюту, а затем снижал курс постепенно вровень с национальной инфляцией, так что реальный курс постепенно обесценивался (рис. 5). Реальный курс *сума* по отношению к доллару в 2012 г. был на уровне начала 1990-х годов, несмотря на значительное улучшение условий торговли (во всех других странах Средней Азии, в России и Китае реальный курс вырос в последние 20 лет). Реальный же *эффективный* курс (не только к доллару, но и к валютам других торговых партнеров) сильно снизился – со 100% в 2000 г. до 30% в 2003–2007 гг. (IMF, 2008).

Экспортеры в Узбекистане обязаны продавать на валютной бирже 50% валютной выручки по официальному курсу, который на 30% и более ниже уличного курса. Но платежный баланс сводится с профицитом, валютные резервы с 2004 до 2012 г. выросли с 5 до 15 месяцев импорта, не считая более 5 млрд долл., находящихся в Фонде реконструкции и развития, который был создан в 2006 г.²

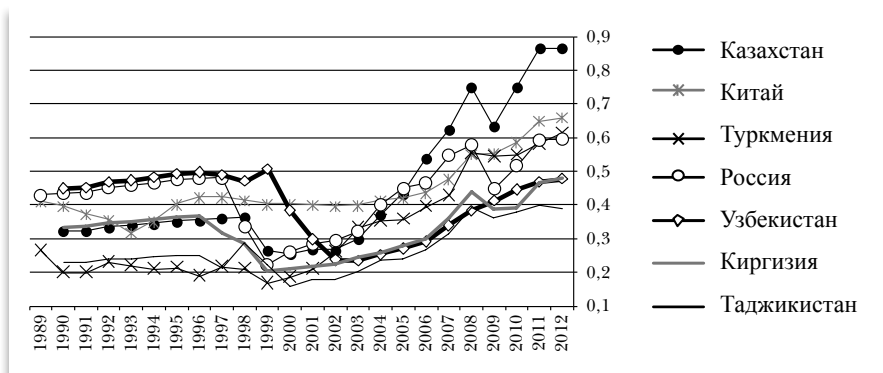

Рис. 5

Реальный курс валюты в Узбекистане и других странах Средней Азии, Китае, России

Источник: World Development Indicators за соответствующие годы.

² Фонд сочетает функции стабилизационного фонда и фонда развития. В него направляется часть централизованной выручки от экспорта, расходуются же средства отчасти на вложения в долговые обязательства западных стран и отчасти – на кредиты для импорта по национальным проектам развития. Так что валютные доходы, попадая в фонд, «стерилизуются», т.е. не ведут к росту денежной массы, как происходит, когда они пополняют валютные резервы центрального банка (БЕЕВА, 2011).

Но самое главное и удивительное – способность Узбекистана всего лишь за 20 лет в корне поменять структуру экономики, избавиться от монокультурной зависимости от хлопка, добиться продовольственной и энергетической самообеспеченности и диверсифицировать экономику в сторону промышленности, машиностроения и химии.

В России мы уже 25 лет говорим о том, как бы снять экономику с нефтяной иглы, а доля сырьевых отраслей в производстве и экспорте между тем растет. Доля минерального сырья, металлов и алмазов в российском экспорте увеличилась с 52% в 1990 г. (СССР) до 67% в 1995 г. и 81% в 2012 г., тогда как доля машин и оборудования упала с 18% в 1990 г. (СССР) до 10% в 1995 г. и 4,5% в 2012 г. В Узбекистане же говорили о преодолении сырьевого крена экономики меньше, а сделали намного больше.

Обозреватели отмечают, что Узбекистан сознательно заимствовал многие черты корейской модели. В Узбекистане сейчас живет почти 200 тыс. корейцев (после сталинского переселения 1937 г.), массивные корейские инвестиции (в том числе автомобильный завод в Асаке, изначально построенный Daewoo, а теперь принадлежащий Государственной автомобильной компании в партнерстве с GM Uzbekistan). Торговля между Кореей и Узбекистаном растет, ширятся научные и культурные обмены.

Действительно, Узбекистан, как и Корея ранее, использует такие инструменты промышленной политики, как импортные пошлины, налоговая поддержка экспортеров, заниженный валютный курс. Но не одна Корея применяла эти инструменты, и на корейскую экономика Узбекистана похожа мало. Отраслевая структура экономики формировалась в стране после достижения независимости отнюдь не корейскими, а зачастую прямолинейными советскими методами.

Во-первых, правительство через фактически обязательный государственный заказ стало сокращать производство хлопка, увеличивая площади под зерновыми, овощами и картофелем (рис. 6). Производство хлопка снизилось с 6 млн т в 1970–1980-е годы до немногим более 3 млн т сегодня, доля хлопка в экспорте упала с более 50% до менее 10%. Сегодня Узбекистан экспортирует примерно столько же продовольствия, сколько и импортирует.

Во-вторых, Узбекистан за годы независимости достиг энергетической самообеспеченности и превратился из нетто-импортера в нетто-экспортера топлива – в основном за счет увеличения производства природного газа и нефти (примерно в 1,5 раза). При этом энергоемкость узбекского ВВП снизилась в два раза, так что Узбекистан превратился в чистого экспортера газа.

В-третьих, Узбекистан поддерживал свою промышленность и оказался единственной страной постсоветского пространства, в которой выросла доля промышленности в ВВП (рис. 7) и доля машиностроения и химии в структуре самой промышленности (табл. 4).

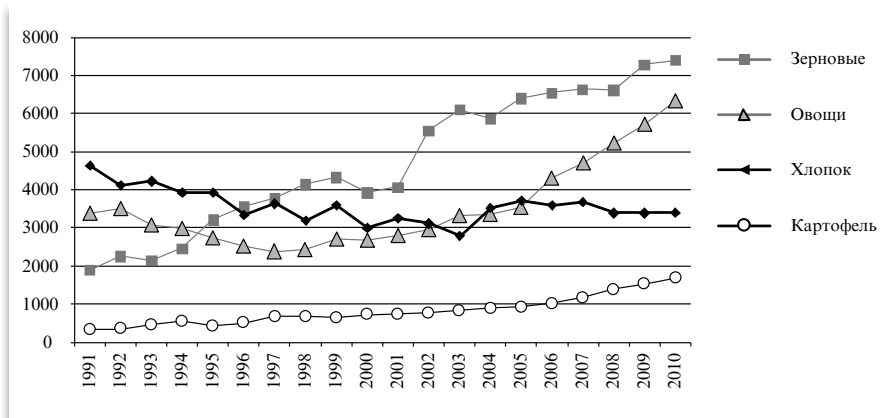

Рис. 6

Валовой сбор некоторых сельскохозяйственных культур, тыс. т

Источник: Госкомстат (<http://www.stat.uz/en/>).

Была создана практически с нуля конкурентоспособная автомобильная промышленность, которая стала одним из моторов национального роста. В 2013 г. она должна была выпустить 274 тыс. автомобилей, из которых 142 тыс. будут реализованы на внешнем рынке. В 2011 г. начал работать завод автомобильных двигателей в Ташкенте (совместное предприятие «Дженерал моторз» и Государственной автомобильной компании) с проектной мощностью 360 тыс. двигателей в год.

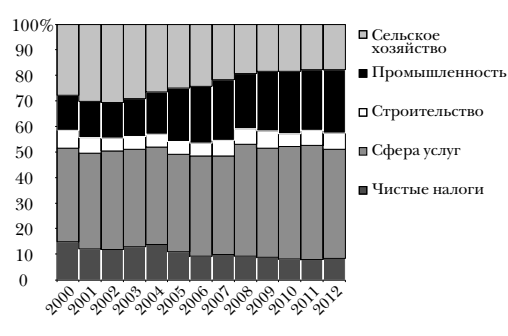

Рис. 7

Отраслевая структура ВВП в 2001–2012 гг., % к итогу

Источник: Trushin, Carneiro, 2013.

Таблица 4

Структура промышленного производства в текущих ценах, % к итогу

Отрасли	1991 г.	2011 г.
Электроэнергетика	2,7	8,0
Топливная	3,7	17,5
Черная металлургия	0,8	2,6
Цветная металлургия	9,7	10,4
Химия и нефтехимия	4,0	5,5
Машиностроение	11,6	16,1
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная	1,6	1,1

Окончание таблицы 4

Отрасли	1991 г.	2011 г.
Производство стройматериалов	4,3	5,3
Легкая	39,8	13,5
Пищевая	14,8	14,0
Прочие отрасли	7,1	6,1
Вся промышленность	100,0	100,0

Источник: Госкомстат (<http://www.stat.uz/en/>).

Живительная сила протекционизма

За счет чего Узбекистан достиг диверсификации экономики? Многие скажут: за счет протекционистской защиты внутреннего рынка и поддержки отечественных экспортеров против иностранных конкурентов. Так-то оно так, но это лежащий на поверхности и обманчиво простой ответ. Многие страны использовали протекционизм и замещение импорта, но не многим удалось кардинально диверсифицировать экономику в сторону развития отраслей высокой степени обработки.

СССР периода индустриализации, Латинская Америка и Индия до 1990-х годов, развивающиеся страны социалистической ориентации – эти государства и регионы практиковали именно протекционистскую импортозамещающую промышленную политику, стремясь обеспечить экономическую независимость. Везде, от Северной Кореи до Индии и от СССР до Латинской Америки, эти попытки неизменно заканчивались одним и тем же – созданием мертворожденных промышленных комплексов, которые еще могли кое-как функционировать в тепличной протекционистской среде, но рассыпались как карточные домики при первом столкновении с иностранной конкуренцией. При субсидировании слабых отраслей за счет сильных развитие неизменно заходило в тупик: сильные отрасли, из которых изымались средства, хирели, а слабые, хоть и поддерживаемые, но не работающие на экспорт, так и не становились жизнеспособными.

А вот в странах Восточной Азии – Японии, Южной Корее, Тайване, Китае, многих странах АСЕАН, протекционизм оказывался очень результативным: под защитой протекционистских барьеров возникали не индустриальные динозавры и мастодонты, а эффективные и конкурентоспособные предприятия. В чем же секрет, почему одни и те же протекционистские меры вели к диаметрально противоположным результатам? В недавних исследованиях формулируются условия, при которых протекционистские меры и другие рычаги промышленной политики могут быть успешными (см. обзор в (Попов, 2006а, 2006б)).

Первое требование к успешной промышленной политике состоит в том, что она должна быть экспортноориентированной. Таможенная или

прочая защита отечественных производителей обязательно должна дополняться поощрением экспорта, тогда это и называется экспортно-ориентированной промышленной политикой. А без поощрения экспорта протекционизм ведет только к импортозамещению. На первом этапе это нормально – новые производства начинают конкурировать с импортом прежде всего на национальном рынке, но с определенного момента, если не экспортировать продукцию, начинается загнивание.

Можно защитить внутренний рынок от иностранной конкуренции (скажем, высокими таможенными пошлинами) и при этом довольствоваться тем, что он снабжается отечественными производителями, не экспортирующими свою продукцию (замещение импорта). А можно поддерживать уже экспортирующие отрасли или с перспективой экспорта, т.е. самые конкурентоспособные или ориентированные на то, чтобы стать таковыми (если не становятся и не начинают экспортировать, поддержка прекращается). И в том, и в другом случае используется протекционистская защита внутреннего рынка; разница в том, что одна эта защита – без стимулирования экспорта – ведет только к сохранению неэффективных производств, а такая же защита со стимулированием экспорта сохраняет неэффективные производства лишь на время, а затем превращает их в эффективные. В своем крайнем варианте замещение импорта – стратегия опоры на собственные силы, направленная на то, чтобы производить все внутри страны.

Экспортная ориентация – политика, также призванная создать новые отрасли, возможно, и с нуля, но они непременно должны стать конкурентоспособными не только на национальном, но и на мировом рынке. Если эти отрасли не смогут экспортировать продукцию после нескольких лет поддержки, то эта поддержка прекращается. Такая политика проводилась сначала в Японии, затем в Южной Корее, на Тайване, в Гонконге и Сингапуре, позже – в странах ЮВА и Китае и привела к впечатляющим результатам. Все эти страны в разное время проводили схожую политику – всемерно поощряли национальные компании экспортировать производимую продукцию, даже когда эти фирмы и на национальном рынке занимали крайне слабые позиции. В Китае именно экспорт был фактором динамики экономического роста, а доля экспорта в ВВП выросла с 5% в 1978 г. до более чем 30% сегодня.

Способов поддержки экспорта много, но главным инструментом является занижение валютного курса через накопление валютных резервов центробанком: когда последний закупает валюту в размерах, превышающих предложение участников рынка, т.е. создает избыточный спрос на валюту, курс национальной денежной единицы понижается (Полтерович, Попов, 2002; Polterovich, Popov, 2004). Искусственное занижение курса создает преимущества для всех производителей торгуемых товаров за счет производителей неторгуемых товаров, что позволяет стимулировать экспорт, производство и сбере-

жения через ограничение импорта и потребления. Такого же эффекта можно в принципе добиться, манипулируя налогами, например, через введение импортных пошлин и экспортных субсидий. Однако занижение курса через накопление резервов – неселективный инструмент промышленной политики, имеющий очевидное преимущество перед селективными (дифференцированными по отраслям и предприятиям налоги и субсидии) в условиях высокой коррупции.

Заниженный курс валют имели Япония, Корея, Тайвань и Сингапур несколько десятилетий назад, когда они еще были «бедными» и догоняли развитые страны; заниженным курсом пользуются в последние десятилетия государства Юго-Восточной Азии, поддерживая его на уровне 20–40% паритета покупательной силы, т.е. на таком уровне, когда их цены при пересчете в доллары оказываются в 2,5–5 раз ниже американских. Китай упорно отказывается кардинально ревальвировать курс, несмотря на нажим США, и продолжает накапливать валютные резервы, которые в настоящее время превышают 3 трлн долл.

Недавние исследования показывают, что наибольшую отдачу дает стимулирование не просто любого экспорта (скажем, ресурсов), а именно экспорта готовых изделий и особенно сложных, наукоемких. И не потому, что ресурсы могут кончиться или подешеветь, а потому, что общественная отдача от развития наукоемких производств больше, чем отдача у конкретных фирм, которые занимаются такой деятельностью. Это так называемая экстерналия, внешняя выгода, которую рынок правильно учесть не может, так что необходима государственная поддержка, чтобы вывести развитие таких отраслей на оптимальный уровень. Экстерналию измерить очень сложно. Общеизвестно, например, что существуют значительные экстерналии развития образования, здравоохранения, фундаментальной науки, так что государство должно поддерживать эти отрасли, но в какой именно мере – не вполне понятно. Во всяком случае, экстерналия от развития наукоемких производств на экспорт больше, чем экстерналия от экспорта ресурсов и технически несложных товаров.

В этом как раз и состоит второй принцип успешной промышленной политики: не всякий экспорт стоит поддерживать, а только тот, который дает наибольшую экстерналию, внешнюю выгоду, возникающую тогда, когда общественная отдача от вложений в определенный вид деятельности больше, чем отдача для конкретных фирм, непосредственно занимающихся такой деятельностью. Собственно говоря, именно такая политика, нацеливающая национальных предпринимателей не просто на экспорт, а на постоянное усложнение экспорта, и объясняет экономический успех Японии, Кореи, Китая, а теперь и Узбекистана.

В недавних статьях Рикардо Хаусманна, Джейсона Хванга и Дэни Родрика (Hausmann, Rodrik, 2003; Hausmann, Hwang, Rodrik, 2006; Rodrik, 2006) предложен остроумный *индекс сложности экспорта*,

который рассчитывается в два этапа. Сначала исчисляется средневзвешенный ВВП на душу населения для стран, экспортирующих определенный товар (из 5 тыс. возможных товарных позиций) – получается доход на душу населения в гипотетической стране, которая специализируется на экспорте именно и только этого товара. Затем такой же гипотетический уровень ВВП на душу населения исчисляется для страны с данной структурой экспорта и сопоставляется с фактическим для этой страны уровнем подушевого ВВП – оказывается, что такое сопоставление очень информативно для объяснения темпов экономического роста.

Китай, например, и в 1992 г., и в 2003 г. имел наибольший разрыв между гипотетическим и фактическим уровнем ВВП на душу населения, т.е. структура китайского экспорта соответствовала уровню развития страны, которая в несколько раз опережала Китай по ВВП на душу населения. Да, в последние годы коэффициент такого опережения сократился – с 6 раз в 1992 г. до менее 3 раз в 2003 г., но это опережение все равно остается самым высоким в мире.

Узбекистан не является лидером в сфере высоких технологий, доля расходов на НИОКР в узбекском ВВП за последние годы даже снизилась (с 0,25% в 2003 г. до 0,19% в 2009 г.) и, конечно, не идет в сравнение даже с уровнем России и Венгрии (1%), не говоря уже об Израиле, Южной Корее, Японии (3–5%) (Kambariddinova, Mirzaev, 2010). Но ведь и уровень развития Узбекистана пока низкий – 3,6 тыс. долл. ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в 2012 г. против 14 тыс. долл. в Казахстане и 24 тыс. долл. – в России. На этом этапе развития выгоднее не самим разрабатывать новые изделия и технологии, а заимствовать их за рубежом (Полтерович, Попов, 2006). Узбекистан экспортирует продукцию среднего уровня сложности и наукоемкости (автомобили и химические продукты), но и это огромный успех, недостижимый даже для более богатых стран.

А вот совокупная факторная производительность в Узбекистане растет с 1999 г. на 1–4% в год – очень хороший результат для развивающейся страны (Чепель и др., 2010, с. 17). И по глобальному инновационному индексу (Global Innovation Index – ГИ), рассчитываемому INSEAD Business School и Confederation of Indian Industry, Узбекистан в 2009 г. (оценка 3,11) занял даже более высокую позицию, чем Россия (2,93), Казахстан (2,85), Украина (2,77). Высокий рейтинг республике обеспечили такие составляющие ГИ, как качество государственных институтов и политики (3,4 в Узбекистане против 3,3 в России), уровень развития бизнеса (4,2 против 3,0 в России), уровень знаний (3,6 против 3,2), уровень конкурентоспособности (2,9 против 2,6) (Чепель и др., 2010, с. 11).

Можно, конечно отмахнуться и посчитать оценки экспертов ГИ нереальными, тем более что они базируются не только на объективных показателях, но также и на опросах фирм. А можно поду-

мать: почему по уровню знаний (точнее, уровню производства и применения знаний, занятости в науке и экспорту наукоемких изделий), уровню развития бизнеса, конкурентоспособности и качеству институтов Узбекистан все время получает более высокие отметки?

Экспортная ориентация «без дураков»

В Узбекистане промышленная политика проводится как раз с акцентом на экспортную ориентацию. После российского валютного кризиса 1998 г. произошла резкая девальвация узбекского сума, а с 2001 г. проводится постепенная плавная девальвация, причем примерно теми же темпами, что и инфляция, так что реальный курс сума к доллару ежегодно даже немного снижается (за счет 2%-ной инфляции в США). В итоге производство несырьевых товаров оказывается конкурентоспособным и все больше ориентируется на экспорт.

Более того, с 1998 г. в Узбекистане были отменены все экспортные пошлины, а с 2004 г. для предприятий-экспортеров всех форм собственности установлен порядок уплаты налога на прибыль, имущество и единого налогового платежа в зависимости от доли экспорта товаров собственного производства за свободно конвертируемую валюту в общем объеме реализации. При доле экспорта от 15 до 30% установленные ставки налогов снижаются на 30%, а при доле экспорта от 30% и более установленные ставки налогов снижаются на 50%.

Указанные льготы не распространяются на торгово-посреднические предприятия, а также на производственные предприятия, экспортирующие за свободно конвертируемую валюту сырьевые товары – хлопковое волокно, хлопчатобумажную пряжу, нефть, нефтепродукты, газовый конденсат, природный газ, электроэнергию, драгоценные, цветные и черные металлы.

Низкий курс валюты и некосметические налоговые льготы – это серьезная, «не понарошку», политика стимулирования экспорта, которая в других переходных экономиках отсутствует. Можно сколько угодно твердить о том, что надо экспортировать готовые изделия, а не сырье, но если весомых стимулов к этому нет, то призывы так и останутся призывами. В Узбекистане же слов о стимулировании экспорта готовых изделий говорят мало, а делают много.

Экспортерами не рождаются, ими становятся. Согласитесь, если налоги для экспортеров готовых изделий в два раза ниже, то и экспортировать стремятся все – даже в ущерб продажам на внутреннем рынке. Так производителей с самого начала ориентируют на мировой рынок, на самые передовые образцы продукции и самые продвинутые стандарты качества, так создается конкурентоспособное в мировом масштабе производство.

Экспорт за 20 лет независимости вырос более чем в шесть раз (в долларах и в текущих ценах – рис. 8), а с 2002 г. торговый баланс сводится с растущим профицитом. Доля хлопка в экспорте упала с 65%

в 1992 г. до 9% в 2012 г., тогда как доля топлива (в основном газа) и нефтепродуктов выросла с 4 до 38%, доля машин и оборудования – с 2 до 7%; доля продукции химической промышленности – с 6 до 9%. В импорте же продовольствие замещалось машинами и оборудованием: доля продуктов питания в 1992–2012 гг. упала с 43 до 10%, а доля машин и оборудования повысилась с 10 до 46% (рис. 9) (Trushin, Carneiro, 2013)³.

Можно не доверять данным о структуре экспорта и импорта, основанным на стоимостных объемах внешней торговли, так как они зависят не только от физических объемов, но и от цен. Но важно видеть лес за деревьями. Около 300 тыс. автомобилей (почти половина на экспорт), произведенных в 2013 г. (в 1990 г. Узбекистан автомобили не производил), – это натуральные показатели, которые никто сомнению не подвергает. Переориентация половины сельского хозяйства с хлопка на продовольствие – тоже факт. За 20 лет такие крупные прогрессивные сдвиги больше нигде не происходили! Вывоз хлопка фактически был замещен экспортом газа, и не только газа, но и экспортом автомобилей. Прежняя ресурсная ориентация (хлопок) была заменена экспортом газа (промышленное сырье вместо сельскохозяйственного) и экспортом машинно-технической продукции. В последние десятилетия доля газа в экспорте увеличилась у всех стран (у которых газ есть), так как цены на него были высокими, а доля машин и оборудования увеличилась только у Узбекистана.

Даже в Белоруссии, где машиностроение и машинно-технический экспорт поддерживаются государством больше, чем в других странах Восточной Европы и СНГ, доля машиностроения в общей стоимости продукции обрабатывающей промышленности снизилась с 34% в 1990 г. до 25% в 2000 г. и до 19% в 2012 г., а доля машинно-технической продукции в экспорте – с 31% в 1995 г. до 26% в 2012 г. (Белстат, 2013).

«...Набор мелких государств-паразитов, управляемых рэкетирами и бандитами, массовые лагеря беженцев и огромная теневая экономика. Добро пожаловать в Мусоростан» – так написал о Средней Азии (и других бывших советских республиках, исключая Эстонию) Стивен Коткин – солидный профессор солидного университета (Принстона) в 2002 г. (Kotkin, 2002; Spechler, 2008). Справедливости ради надо заметить, что большинство экспертов никогда не позволяли себе называть целые страны «мусоростанами», а многие даже в 2000 г. считали успех Узбекистана во многом закономерным (Spechler, 2000).

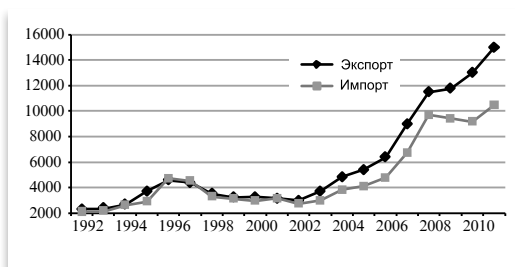

Рис. 8

Экспорт и импорт Узбекистана, млн долл.

Источник: Госкомстат Узбекистана
(<http://www.stat.uz/en/>).

³ По другим данным (UNDP, 2010), доля машин и оборудования в экспорте составила 9% в 1992 г., упала до 2% в 1995 г. и вновь возросла до 7–10% в 2004–2008 гг.

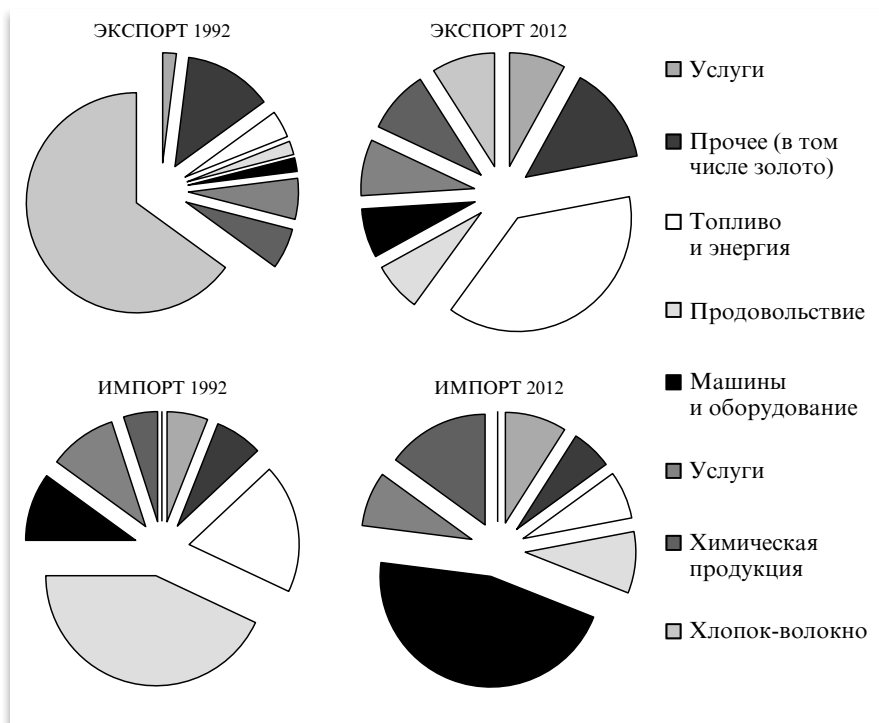

Рис. 9

Структура экспорта и импорта Узбекистана в 1992 и 2012 гг., % к итогу

Источник: Trushin, Carneiro, 2013.

А сегодня возвышение Узбекистана и малолиберализованных экономик на постсоветском пространстве не заметит лишь тот, кто не хочет видеть. Появились статьи о новой среднеазиатской модели государства, нацеленного на развитие (developmental state) (Stark, Ahrens, 2012). По словам Терри Маккинли, «неортодоксальная политика сослужила Узбекистану неплохую службу. Он сумел успешно смягчить тяготы начального этапа переходного периода, восстановить respectable темпы роста к концу 1990-х годов и кардинально перестроить свою экономику так, чтобы самообеспечиваться такими критическими ресурсами, как энергия и продовольствие. Эта перестройка позволила избежать худших последствий продовольственного и топливного кризисов середины 1998 г. и глобального финансового кризиса и рецессии 2008–2009 гг. По любым стандартным барометрам экономического поведения, равно как и по сравнению с другими странами с низкими доходами, Узбекистан преуспел за последние два с лишним десятилетия переходного периода, хотя его достижения для многих ортодоксальных экономистов остаются загадкой, портящей настроение» (McKinley, 2010).

* * *

Да, Туркмения, Казахстан и Азербайджан экспортируют ресурсы, но ведь и Россия, и Кувейт с Саудовской Аравией их тоже экспортируют, а экономический рост там намного слабее. Саудовская Аравия с Кувейтом по крайней мере умело распределяют нефтяную ренту, а мы даже этим похвастаться не можем. А Узбекистан сегодня идет по пути Японии, Кореи, Тайваня, Сингапура, Гонконга и становится вровень с Китаем и Вьетнамом – сильный качественный рост, основанный на экспорте готовых изделий и диверсификации экономики – немногим странам удается такое. Так что, возможно, через 10–20 лет журналисты будут писать статьи о том, как узбекский верблюд догнал восточноазиатских драконов и тигров...

ЛИТЕРАТУРА

- Белстат (2013). Национальный статистический комитет Республики Беларусь. [Электронный ресурс] Белстат. Режим доступа: <http://belstat.gov.by/index.htm>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: январь 2014 г.).
- Полтерович В.В.** (2006). Снижение инфляции не должно быть главной задачей политики правительства. Записка в Правительство РФ. 2 апреля.
- Полтерович В.П., Попов В.В.** (2002). Последняя надежда // *Эксперт*. № 48. 22 декабря.
- Полтерович В.М., Попов В.В.** (2006). Эволюционная теория экономической политики. Ч. 2. Необходимость своевременного переключения. [Электронный ресурс] // *Вопросы экономики*. № 8. Режим доступа: <http://http-server.carleton.ca/~vporov/documents/STAGES-VoprEcon-Part2.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: январь 2014 г.).
- Попов В.В.** (1998а). Экономическая динамика при переходе к рынку: влияние исходных условий и экономической политики // *Вопросы экономики*. № 7. С. 42–64.
- Попов В.В.** (1998б). Сильные институты важнее скорости реформ // *Вопросы экономики*. № 8. С. 56–70.
- Попов В.В.** (2006а). Больше протекционизма! Торговли! Роста! Нетрадиционный взгляд на экспортную ориентацию и экономическое развитие // *Политический журнал*. № 15 (110). 24 апреля.
- Попов В.В.** (2006б). Технология экономического чуда // *Прогнозис*. № 2 (6).
- Попов В.В.** (2007). Шокотерапия против градуализма 15 лет спустя: почему динамика производства в странах с переходной экономикой была неодинаковой // *Вопросы экономики*. № 5.
- Попов В.В.** (2011). Стратегии экономического развития. Гл. 1. М.: ГУ ВШЭ.
- Чепель С.В.** и др. (2010). Экономический рост и инновации: теория, практика и моделирование. Ташкент: Институт прогнозирования и макроэкономических исследований.
- БЕЕВА (2011). Investment Climate Statement – Uzbekistan. [Электронный ресурс]

- Investment Climate Statement. Bureau of Economic, Energy and Business Affairs. March 2011. Режим доступа: <http://www.state.gov/e/eb/rls/othr/ics/2011/157382.htm>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: январь 2014 г.).
- EBRD (2014). Economic data [Электронный ресурс]. Statistical database. Режим доступа: <http://www.ebrd.com/pages/research/economics/data.shtml>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: январь 2014 г.).
- Forbes (2014). The World's Billionaires [Электронный ресурс] // *Forbes*. Режим доступа: http://www.forbes.com/billionaires/#page:1_sort:0_direction:asc_search:_filter:All%20industries_filter:All%20countries_filter:All%20states, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: январь 2014 г.).
- Hausmann R., Rodrik D.** (2003). Economic Development as Self-Discovery // *Journal of Development Economics*. December.
- Hausmann R., Hwang J., Rodrik D.** (2006). What You Export Matters. NBER Working Paper. January.
- IMF (2008). Republic of Uzbekistan: 2008 Article IV Consultation-Staff Report; Public Information Notice on the Executive Board Discussion; and Statement by the Executive. IMF Country Report No. 08/235. July.
- IMF (2012). Uzbekistan: Staff Visit, May 21–25, 2012. [Электронный ресурс] Aide Memoire. Режим доступа: <http://www.imf.org/external/np/ms/2012/052512.htm>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: январь 2014 г.).
- Index Mundi (2013). Cotton Futures End of Day Settlement Price. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.indexmundi.com/commodities/?commodity=cotton&months=300&commodity=gold&indicator=price-ratio>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: январь 2014 г.).
- Kambariddinova N., Mirzaev A.** (2010). National Innovation System in Uzbekistan. [Электронный ресурс] *Verslas XXI amžiuje (Business in XXI Century)*. 15-osios Lietuvos jaunųjų mokslininkų konferencijos «Mokslas – Lietuvos ateitis» 2012 metų teminės konferencijos straipsnių rinkinys Режим доступа: <http://jmk.vvf.vgtu.lt/index.php/conference/2012/paper/viewFile/16/63>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: январь 2014 г.).
- Kotkin S.** (2002). *Trashcanistan* // *New Republic*. Vol. 226. No. Issue 14. P. 26–38.
- McKinley T.** (2010). The Puzzling Success of Uzbekistan's Heterodox Development // *Development Viewpoint*. No. 44. January. Centre for Development and Policy Research, School of Oriental and African Studies.
- Polterovich V., Popov V.** (2004). Accumulation of Foreign Exchange Reserves and Long Term Economic Growth. In: «*Slavic Eurasia's Integration into the World Economy*». Ed. by Tabata S., Iwashita A. Slavic Research Center, Hokkaido University, Sapporo. Updated version, 2006.
- Rodrik D.** (2006). What's So Special about China's Exports? Harvard University. January.
- Soviet Economy (1991). A Study of the Soviet Economy. IMF, World Bank, OECD, EBRD. Vol. 1–3.

- Spechler M.C.** (2008). *The Political Economy of Reform in Central Asia. Uzbekistan under Authoritarianism*. L., N.Y.: Routledge, Taylor and Francis Group.
- Spechler M.C.** (2000). *Hunting for the Central Asian Tiger // Comparative Economic Studies*. Vol. XLII (3). P. 101–120.
- Stark M., Ahrens J.** (2012). *Economic Reform and Institutional Change in Central Asia: Towards a New Model of the Developmental State? PFH Forschungspapiere / Research Papers, PFH Private Hochschule Göttingen No. 2012/05*.
- Trushin E., Carneiro F.G.** (2013). *Changing for the Better: The Path to Upper-Middle-Income Status in Uzbekistan*. [Электронный ресурс] // *Economic Premise*. No. 119. June. Режим доступа: <http://siteresources.worldbank.org/EXTPREMNET/Resources/EP119.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: январь 2014 г.).
- UNDP (2010). *Improving Trade Policy for Human Development*. [Электронный ресурс] October. Режим доступа: <http://europeandcis.undp.org/news/show/651A9314-F203-1EE9-BF2C431238721AC>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: январь 2014 г.).
- World Bank (2013). *World Bank Group – Uzbekistan Partnership: Country Program Snapshot*. [Электронный ресурс] March. Режим доступа: <http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/Uzbekistan-Snapshot.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: январь 2014 г.).
- Zettelmeyer J.** (1998). *The Uzbek Growth Puzzle*. [Электронный ресурс] IMF Working Paper 98/1330. Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/wp98133.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: январь 2014 г.).

REFERENCES (with English translation or transliteration)

- BEEBA (2011). *Investment Climate Statement – Uzbekistan*. Investment Climate Statement. Bureau of Economic, Energy and Business Affairs. March 2011. Available at: <http://www.state.gov/e/eb/rls/othr/ics/2011/157382.htm> (accessed: January 2014).
- Belstat (2013). *National Statistical Committee of the Republic of Belarus*. Available at: <http://belstat.gov.by/index.htm> (accessed: January 2014, in Russian).
- Chepel S.** et al. (2010). *Economic Growth and Innovations: Theory, Practice, and Modeling*. Tashkent: Institute of Forecasting and Macroeconomic Research (in Russian).
- EBRD (2014). *Economic Data. Statistical Database*. Available at: <http://www.ebrd.com/pages/research/economics/data.shtml> (accessed: January 2014).
- Forbes (2014). *The World's Billionaires*. Forbes. Available at: http://www.forbes.com/billionaires/#page:1_sort:0_direction:asc_search:_filter:All%20industries_filter:All%20countries_filter:All%20states (accessed: January 2014).
- Hausmann R., Rodrik D.** (2003). *Economic Development as Self-Discovery*. *Journal of Development Economics*, December.

- Hausmann R., Hwang J., Rodrik D.** (2006). What You Export Matters. NBER Working Paper, January.
- IMF (2008). Republic of Uzbekistan: 2008 Article IV Consultation-Staff Report; Public Information Notice on the Executive Board Discussion; and Statement by the Executive. IMF Country Report No. 08/235. July.
- IMF (2012). Uzbekistan: Staff Visit, May 21–25, 2012. Aide Memoire. Available at: <http://www.imf.org/external/np/ms/2012/052512.htm> (accessed: January 2014).
- Index Mundi (2013). Cotton Futures End of Day Settlement Price. Available at: <http://www.indexmundi.com/commodities/?commodity=cotton&monts=300&commodity=gold&indicator=price-ratio> (accessed: January 2014).
- Kambariddinova N., Mirzaev A.** (2010). National Innovation System in Uzbekistan. Verslas XXI amžiuje (Business in XXI Century). 15-osios Lietuvos jaunųjų mokslininkų konferencijos «Mokslas – Lietuvos ateitis» 2012 metų teminės konferencijos straipsnių rinkinys Available at: <http://jmk.vvf.vgtu.lt/index.php/conference/2012/paper/viewFile/16/63> (accessed: January 2014).
- Kotkin S.** (2002). *Trashcanistan*. *New Republic* 226, 14, 26–38.
- McKinley T.** (2010). The Puzzling Success of Uzbekistan’s Heterodox Development // *Development Viewpoint* 44, January. Centre for Development and Policy Research, School of Oriental and African Studies.
- Polterovich V., Popov V.** (2004). Accumulation of Foreign Exchange Reserves and Long Term Economic Growth. In: «*Slavic Eurasia’s Integration into the World Economy*». Ed. by Tabata S., Iwashita A. Slavic Research Center, Hokkaido University, Sapporo. Updated version 2006.
- Polterovich V.** (2006). Reducing Inflation Should Not Be the Main Goal of the Government. Policy Note for the Government of RF. April 2 (in Russian).
- Polterovich V., Popov V.** (2002). Last Hope. *Expert* 48, December 22 (in Russian).
- Polterovich V., Popov V.** (2006). Evolutionary Theory of Economic Policy. *Problems of the Economy (Voprosy Ekonomiky)* 8 (in Russian).
- Popov V.** (1998a). Economic Dynamics during the Transition to the Market. *Problems of the Economy (Voprosy Ekonomiky)* 7 (in Russian).
- Popov V.** (1998b). Strong Institutions Are More Important than the Speed of Reforms. *Problems of the Economy (Voprosy Ekonomiky)* 8 (in Russian).
- Popov V.** (2006a). More Protectionism, More Trade, More Growth! Non-Traditional View of Export Orientation and Economic Development. *Political Journal (Politicheskij Zhurnal)* 15 (110), April 24 (in Russian).
- Popov V.** (2006b). Technology of Economic Miracle. *Prognosis* 2 (6) (in Russian).
- Popov V.** (2007). Shock Therapy versus Gradualism 15 Years Later: Why Dynamics of Output in Transition Economies Differs. *Problems of the Economy (Voprosy Ekonomiky)* 5 (in Russian).
- Popov V.** (2011). Strategies of Economic Development. Moscow, HSE Publishing House (in Russian).
- Rodrik D.** (2006). What’s So Special about China’s Exports? Harvard University, January.

- Soviet Economy (1991).** A Study of the Soviet Economy. IMF, World Bank, OECD, EBRD, 1–3.
- Spechler M.C.** (2008). The Political Economy of Reform in Central Asia. Uzbekistan under Authoritarianism. L., N.Y.: Routledge, Taylor and Francis Group.
- Spechler M.C.** (2000). Hunting for the Central Asian Tiger. *Comparative Economic Studies* XLII (3), 101–120.
- Stark M., Ahrens J.** (2012). Economic Reform and Institutional Change in Central Asia: Towards a New Model of the Developmental State? PFH Forschungspapiere / Research Papers, PFH Private Hochschule Göttingen No. 2012/05.
- Trushin E., Carneiro F.G.** (2013). Changing for the Better: The Path to Upper-Middle-Income Status in Uzbekistan. *Economic Premise* 119, June. Available at: <http://siteresources.worldbank.org/EXTPREMNET/Resources/EP119.pdf> (accessed: January 2014).
- UNDP (2010). Improving Trade Policy for Human Development. October. Available at: <http://europeandcis.undp.org/news/show/651A9314-F203-1EE9-BF2C431238721AC> (accessed: January 2014).
- World Bank (2013). World Bank Group – Uzbekistan Partnership: Country Program Snapshot. March. Available at: <http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/Uzbekistan-Snapshot.pdf> (accessed: January 2014).
- Zettelmeyer J.** (1998). The Uzbek Growth Puzzle. IMF Working Paper 98/1330. Available at: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/wp98133.pdf> (accessed: January 2014).

Поступила в редакцию 17 августа 2013 года

V.V. Popov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, New Economic School, Moscow, Russia

An Economic Miracle in the Post-Soviet Space: How Uzbekistan Managed to Achieve What No Other Post-Soviet State Has

Uzbekistan is not usually considered an economic success story, but in fact it is: its GDP increased since 1989 more than in any other post-communist country, except for China, Vietnam and Turkmenistan. The success of Uzbekistan is very much similar to the Chinese – gradual economic reforms with the preservation of the capacity of state institutions, good macroeconomic policy and export oriented industrial policy. What makes Uzbekistan unique is that no other former Soviet republic managed to follow this route. There are countries with healthy state finances and low inflation (most FSU states), there are some countries with reasonable state capacity (Baltics, Belarus, Azerbaijan, Turkmenistan, Kazakhstan), but there are no countries that keep undervalued exchange rate together with strong tax stimuli for export of manufactures. Uzbek example shows that such a policy pays off.

Keywords: *transition, growth, export orientation, industrial policy, Uzbekistan.*

JEL Classification: O1, O14, O5, O57, P5, P52.